

Русско-удмуртские связи в фольклоре удмуртов Свердловской области

Население Урала многонационально. Его составляют и русские — переселенцы из разных районов России, и представители других национальностей. Поэтому уральский музыкальный фольклор необходимо рассматривать как органичный сплав различных песенных традиций: русских (южной, центральной и северной) и инациональных.

Вопросу связей русского и инационального фольклора на Урале уделяется недостаточно внимания музыковедами-фольклористами, тогда как для характеристики уральского народно-песенного творчества он имеет первостепенное значение. Особую важность этот вопрос приобретает в свете тенденций современной фольклористики, широко развивающей сравнительное изучение культур различных народов.

Цель нашей статьи — показать образцы связей русской и удмуртской песенных культур в фольклоре удмуртов Свердловской области. Материалами статьи послужили записи удмуртских песен, сделанные студентами Уральской консерватории в двух экспедициях 1981 г. в Пригородный район Свердловской области. В первой, проходившей в июле 1981 г., удмуртские песни записывались попутно с собиранием русского фольклора. Зафиксированные образцы удмуртского песенного творчества вызвали у нас большой интерес. Поэтому в следующей экспедиции (декабрь 1981 г.) уже проводилась целенаправленная запись удмуртского фольклора, бытующего на русской территории¹.

В этом регионе удмурты появились в 30-х гг. нашего столетия. Многолетние неурожай и голод заставляли людей уезжать из Удмуртии и искать более обеспеченные продовольствием районы. Этим объясняется переселение удмуртов в Свердловскую область. Оно продолжается вплоть до последнего времени. Однако сейчас это явление имеет не столь массовый характер и объясняется другими причинами.

В настоящее время более половины населения обследованных нами сел составляют удмурты. Их основное занятие — сельское хозяйство.

Анализ литературы об удмуртской народно-песенной культуре позволяет выделить четыре работы, наиболее полно освещающие закономерности удмуртского фольклора.

¹ Расшифровки записей были сделаны студентами историко-теоретического отделения Уральской государственной консерватории.

Статья А. Н. Голубковой² рассказывает об историческом развитии удмуртской песни, о появлении новых жанров и отмирании старых, об удмуртском национальном инструментарии. Автор указывает на существование трех диалектов в удмуртском песенном творчестве, на их основные жанровые и стилистические различия. Большое внимание уделено рассмотрению влияния других национальностей на музыкальную культуру удмуртов. В VII—XIII вв. удмурты взаимодействуют с волжскими болгарами, в XII—XV вв. — с татарами, влияние которых особенно отразилось на типе южной удмуртской песни с развитой мелизматикой. Начиная с 1558 г., когда удмурты входят в состав русского государства, ощущается сильное воздействие русской музыкальной культуры.

В это время появляются новые жанры — исторические, сиротские, батрацкие; в шуточные песни включается элемент русской скоморошины.

В статье И. К. Травиной³ дается подробный анализ песен центрального региона Удмуртской АССР в районе г. Глазова, характеризуется их жанровый состав. Особое внимание уделяется характерным стилистическим чертам удмуртской народной песни (ладово-звукорядной основе, смысловой стороне текста, стихосложению, музыкальной форме, типу фактуры, характеру сочетания текста и напева, ритмическим особенностям).

Автор отмечает также следующие интересные факты взаимодействия русской и удмуртской песенных культур: бытование у удмуртов русских хороводно-игровых песен, распетых в местной национальной традиции; исполнение плясовых удмуртских песен, включающих несколько русских слов, повторяющихся в каждом куплете. Кроме того, И. К. Травина обращает внимание на общность ладовой организации удмуртской и русской песни (в частности, на одну из распространенных ладовых структур у удмуртов и русских — пентатонику, являющуюся основой взаимодействия названных культур).

Статья трех удмуртских музыковедов⁴ тоже затрагивает вопросы межэтнических связей. Ее авторы считают, что в XVIII—XIX вв. связи удмуртской и русской культуры становятся особо ощутимыми. В это время удмуртская песня со старинной унисонно-гетерофонной традицией усваивает русское народное многоголосие со сложной функционально дифференцированной системой:

² См.: Голубкова А. Н. У истоков удмуртской музыкальной культуры. — Учен. зап. Удмурт. научно-исслед. ин-та, 1970, вып. 21. Филология, с. 199—214.

³ См.: Травина И. К. Удмуртские народные песни. — Сов. музыка, 1958, № 9, с. 88—96.

⁴ См.: Греховодов Н. М., Корепанов Г. А., Юшкова В. И. Музыкальная культура Удмуртской АССР. — В кн.: Музыкальная культура автономных республик РСФСР. М., 1957, т. 2, с. 265—293.

- 1) запевала;
- 2) втора (верхний подголосок);
- 3) тон (выдержанные звуки);
- 4) голос (верхний высокий подголосок, часто переходящий в октавное дублирование партии запевалы).

Наконец, названные удмуртские исследователи отмечают три разновидности звучания русской народной песни у удмуртов:

1) сохранение общего контура русской народной песни, но с чертами удмуртского национального стиля;

2) незначительное изменение напева русской народной песни, исполняемой на удмуртском языке (по преимуществу городской);

3) звучание революционных песен, песен каторги и ссылки на русском языке без изменения напева.

Недавно появившаяся статья И. Е. Карпухина «Взаимодействие русской и удмуртской свадеб в Башкирии» непосредственно освещает проблему взаимопроникновения двух культур. В центре внимания исследователя удмуртская свадьба, подвергшаяся русскому и отчасти татарскому влияниям. Автор данной работы рассматривает сходные обычаи и обряды в удмуртской и русской свадьбах, не навеянные непосредственными контактами; отмечает сохранение традиционных удмуртских свадебных обрядов и сопровождающих их песен наряду с включением в удмуртскую свадьбу русских песен позднего происхождения⁵.

Как утверждает И. Е. Карпухин, «удмурты не восприняли русских свадебных песен, так как особенно интенсивное усвоение ими русского языка и песенной поэзии приходится на конец 50—60-х гг. XX в., когда старинный свадебный ритуал у русских значительно разрушился, оказались забытыми причитания, отчасти приговоры дружек»⁶.

В названной работе выделяются следующие формы межнациональных песенных связей:

1) создание удмуртских песен на основе русских мелодий, так называемые «песни на мотив» (эта работа, по мнению автора, облегчается благодаря сходству ритма русских и удмуртских стихов);

2) нанизывание разноязычных частушек на удмуртскую, русскую или татарскую плясовую мелодию; в таких частушках часто происходит игра слов — сочетание одного и того же слова на разных языках.

Однако, несмотря на наличие в вышеуказанных работах ин-

⁵ См.: Карпухин И. Е. Взаимодействие русской и удмуртской свадеб в Башкирии.— В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1980, с. 36—45.

⁶ Там же, с. 45.

тересных наблюдений над взаимодействием удмуртской и русской культур, проблема их музыкальных контактов нам представляется далеко не исчерпанной. Это послужило основанием избрать основным аспектом нашей статьи русско-удмуртские связи в музыкальном фольклоре удмуртов, живущих в Свердловской области.

По нашим наблюдениям, взаимодействие русской и удмуртской песенных культур в Свердловской области проявляется:

1) в соединении в репертуаре удмуртских исполнителей собственно удмуртских песен с русскими уральскими;

2) в бытовании своеобразных смешанных по национальной принадлежности русско-удмуртских песен;

3) в изменении стиля русской народной песни под влиянием музыкального языка удмуртской песенности;

4) в бытовании русских песен на удмуртском языке.

Зафиксированные нами удмуртские песни разнообразны по жанровому составу — неприуроченные лирические (любовные, сиротские, бытовые), застольные, шуточные, гостевые, рекрутские, свадебные, текстовые импровизации, плачи-причитания (похоронные, свадебные, рекрутские), частушки.

С отмиранием старинных обычаев и обрядов постепенно уходят из жизни и песни, сопровождающие их. Поэтому песни древнего пласта находятся почти на грани исчезновения из памяти удмуртов. Нам совсем не удалось записать песенных образцов, связанных с сельскохозяйственными работами. Свадьба как целостный обряд также не бытует сегодня у удмуртов Свердловской области⁷. В их памяти остались только отдельные моменты этого действия. Продолжают жить гостевые песни и текстовые импровизации, но уже не в своей первоначальной импровизационной форме, а в виде одного закрепившегося, устоявшегося варианта. Довольно распространены плачи, в основном плачи при проводах в солдаты. Самым активно бытующим жанром удмуртского фольклора в настоящее время является лирическая песня. Наибольшим национальным своеобразием отличаются текстовые импровизации и гостевые песни.

Текстовые импровизации, как известно, распространены у северных и восточных народов. В них певец отражает все, что он слышит и видит в данный момент. Сами исполнители дают ей такое название: «Что вижу, о том пою» (см. прил.)⁸.

⁷ Однако сказанное не относится ко всей удмуртской культуре. Так, И. Е. Карпухин отмечает, что удмуртская свадьба продолжает бытовать в Башкирии. См.: *Карпухин И. Е. Взаимодействие русской и удмуртской свадеб в Башкирии*, с. 36—45.

⁸ Записано К. Брысовым, Е. Аввакумовой в 1981 г. в с. Кондрашкино Пригородного р-на Свердловской обл. от К. Н. Огорельцевой (1928), К. П. Князевой (1920), А. И. Баженовой (1913), Е. А. Палкиной (1916). Нотация В. Рябовой.

Как текст, так и музыкальная структура песни импровизационна, не замкнута. Песня исполняется на три голоса с характерным видом удмуртского многоголосия (активный средний голос и относительно статичные крайние голоса, образующие между собой квинту).

Неотъемлемой частью удмуртской песенной культуры являются гостевые песни. Исследователи отмечают, что существовала удмуртская национальная традиция встречи и проводов гостей песнями, тут же «на ходу» импровизируемыми⁹. Гости отвечали также спонтанно созданными песнями.

Удмурты любили песню. Она составляла для них большую ценность. Например, когда девушка или парень уезжали из родной деревни, они оставляли в память о себе песню. Юношей в солдаты провожали также импровизированными песнями. Из гостевых песен только одну сейчас помнят удмурты Свердловской области («Кыти, кыти, лыкти ды», см. прил.)¹⁰.

Песня звучит в оживленном темпе, четком ритме, обладает чертами танцевальности. Однако незавершенность последней фразы наталкивает на мысль о ее импровизационной природе.

Традиция импровизации очень ярко отразилась и в плачах-причитаниях. Из всех обрядов, сопровождавшихся плачами, самым трагичным у удмуртов является обряд проводов в солдаты. Служба в царской армии для удмуртских юношей была очень тяжелой и продолжительной. Нередко солдаты не возвращались на родину. Поэтому существовал ряд ритуалов, которые должны были помочь солдату благополучно вернуться домой (забивание ленты в матицу на потолке или в ворота, которую не снимали до возвращения солдата; обязательное вручение подарка; вывод новобранца из дома «задом наперед»; запрет новобранцу оборачиваться, а его жене смотреть ему вслед)¹¹.

Все записанные нами причитания (свадебные, похоронные, рекрутские) едины по стилю. Все причитания являются речитативными. В их основе обычно лежит попевка из трех-четырех звуков, которая многократно вариационно изменяется. Импровизационность изложения, свобода ритмического рисунка придают плачам неповторимое своеобразие. Многие плачи двухголосны, исполняются мужским и женским голосами. При этом мужчина, как правило, ведет основную мелодию («Гот, гот»,

⁹ См.: Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964, с. 136—159.

¹⁰ Записано К. Брысовым, Е. Аввакумовой в 1981 г. в с. Кондрашкино Пригородного р-на Свердловской обл. от К. Н. Огорельцевой (1928), К. П. Князевой (1920), А. М. Баженовой (1913), Е. А. Палкиной (1916). Нотация В. Рябовой.

¹¹ См.: Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с воинской службой, у удмуртов. — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с. 135—137.

см. прил.)¹². Голоса не дублируют друг друга, каждый из них индивидуален, хотя звучат они на одни и те же слоги. Большинство записанных нами причитаний поются не на готовый осмысленный текст, а на какие-либо отдельные слоги, сочетания слов и междометий, не имеющих определенного смысла. Эта же черта как типичная для удмуртских плачей отмечается И. К. Травиной¹³ и А. Н. Голубковой¹⁴.

Нами зафиксировано несколько свадебных песен, исполняемых в различные моменты свадьбы (начало свадьбы, приезд жениха с родственниками в дом невесты, приезд невесты с родителями в дом жениха после свадьбы). Стиль свадебных песен приближается к причитаниям.

Очевидно, это объясняется тем, что оба жанра принадлежат к древнему пласту. Их характеризуют трех-четырёхступенные мажорные лады, вариантное развитие попевок, импровизационность, ритмическая свобода.

Если древнейшие обрядовые песни постепенно забываются, как и обряды, которые они сопровождают, то лирические, с их всегда современным содержанием, остаются. Этим обстоятельством, вероятно, обусловлено абсолютное преобладание песен лирического пласта среди всех записанных нами песенных жанров. Есть и еще одна причина, объясняющая активное бытование лирических песен. Удмуртские музыковеды отмечают, что народно-песенная культура удмуртов принадлежит лирико-песенной традиции¹⁵, к тому же сфера песенной лирики пополняется за счет гостевых и свадебных песен, которые бытуют сейчас как лирические. Так как содержание удмуртских лирических песен разнообразно, неоднороден и их музыкальный стиль: в одних преобладает напевность, в других — танцевальность, некоторые приближаются по стилю к плачу, например, лирическая любовная «Уг поты вал», которую характеризует ритмическая свобода, импровизационность при наличии ясного структурного деления (см. прил.)¹⁶.

В целом же для удмуртской лирической песни не характерны широкие распевы, являющиеся неотъемлемым признаком русской народной лирики. Удмуртская лирическая песня обычно четко ритмизована, в ней преобладает попевочно-вариантное развитие в сочетании со стройной структурой обычно двух-

¹² Записано М. Агре, В. Рябовой в 1981 г. в с. Марково Пригородного р-на Свердловской обл. от А. И. Корепановой (1929), А. И. Корепанова (1934). Нотация В. Рябовой.

¹³ См.: Травина И. К. Удмуртские народные песни, с. 89—96.

¹⁴ См.: Голубкова А. Н. У истоков удмуртской музыкальной культуры, с. 208, 209.

¹⁵ См.: Греховодов Н. М., Корепанов Г. А., Юшкова В. И. Музыкальная культура Удмуртской АССР, с. 271.

¹⁶ Записано М. Агре, В. Рябовой в 1981 г. в с. Марково Пригородного р-на Свердловской обл. от А. В. Захаровой (1930), Р. М. Горбушиной (1932). Нотация В. Рябовой.

частной строфы. Такова, например, песня «Отчы пой» (см. прил.)¹⁷.

Удмурты с удовольствием поют не только удмуртские, но и русские лирические народные песни, а также песни позднего пласта — тюремные, романсы, баллады. Выбор этих жанров связан с их доступностью для людей разных возрастов и национальностей. Русские лирические народные песни удмурты нередко исполняют вместе с русскими певцами. О глубоком проникновении удмуртов в дух русской народной песни говорит безукоризненная их исполнительская интерпретация. Такое вживание в стиль песни чужой национальности проявляется и в исполнении удмуртами татарских песен.

Сравнивая русские песни и их варианты, бытующие у удмуртов, мы, как и авторы статьи «Музыкальная культура Удмуртской АССР»¹⁸, обнаруживаем некоторые различия в напеве. Так, исчезают мягкость и округлость русских мелодий, распевность, ритм становится более четким, рубленным, нередко сужается звукоряд («За лесом солнце воссияло», см. прил.)¹⁹.

Еще более интересные явления взаимодействия культур мы находим в так называемых русско-удмуртских песнях. Такое название они получили от самих исполнителей. Подобных песен всего две: похоронная и лирическая любовная. На вопрос, почему они так названы, певицы отвечают, что это русские песни с удмуртскими текстами.

Одна из них, «Э, корка», представляет собой вариант известной удмуртской песни, которая, по классификации И. К. Травиной, принадлежит к так называемому анималистическому жанру, имеющему очень древние корни. В этой песне человек выступает в неразрывной связи с окружающей его природой. Почему «Э, корка» названа исполнительницами русско-удмуртской, остается непонятным.

Другой пример — широко известная песня «По Дону гуляет», где после каждого куплета добавляется припев, не связанный по смыслу с текстом напева. В припеве русские слова перемежаются с удмуртскими. Плясовой припев создает предпосылки жанрового переосмысления — лирическая баллада превращается в скорую песню (см. прил.)²⁰.

¹⁷ Записано М. Агре, В. Рябовой в 1981 г. в с. Кондрашкино Пригородного р-на Свердловской обл. от К. Н. Огорельцевой (1928), Е. А. Палкиной (1926). Нотация В. Рябовой.

¹⁸ См.: Греховодов Н. М., Корепанов Г. А., Юшкова В. И. Музыкальная культура Удмуртской АССР, с. 279.

¹⁹ Записано М. Агре, В. Рябовой в 1981 г. в с. Кондрашкино Пригородного р-на Свердловской обл. от К. Н. Огорельцевой (1928), Е. А. Палкиной (1916). Нотация В. Рябовой.

²⁰ Например, соединение латышского текста и русского напева в песнях латышских переселенцев отмечает В. В. Бакке в статье «Песенное творчество латышских переселенцев Ульяновской области» (Музыкальный фольклор. М., 1974).

Таким образом, приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о наличии определенного взаимодействия между русской и удмуртской песенными традициями в фольклоре, записанном от удмуртов в Свердловской области.

Основной сферой межнациональных связей становится песенная лирика как самый «эффективный» жанр в музыкальном общении двух различных национальностей.

Русская лирическая песня в процессе взаимодействия как бы приспособляется к языку удмуртской песни. Изменения в ней связаны с тенденцией к ритмизации, освобождению от распевности, сближению со стилем скорой песни, преобладающим в удмуртской традиции.

В русско-удмуртских песнях выбирается русский напев, наиболее точно отвечающий эмоциональному строю текста.

Импровизационность как неотъемлемое некогда свойство удмуртской песни разных жанров сейчас постепенно исчезает. Но некоторые особенности этой формы мышления, например импровизация на слоги, не имеющие смысла, находят новые формы проявления (как в припеве песни «По Дону гуляет»).

Вывод данной статьи мы расцениваем как первоначальный этап в изучении поставленной задачи. Новые песенные записи должны уточнить и дополнить наши представления о взаимодействии удмуртской и русской песенных культур на Урале.

ПРИЛОЖЕНИЕ

$\text{♩} = 100$

Текстовая импровизация

ДЫМ-БЫР-ДЭМ, ДЫМ-БЫР-ДЭМ ШУ-Э ГИ-НЭ-НО, ОЙ, ШУ-Э НО ВЕ-РА Я-РА ЧО

ДЫМ-БЫР ВЕ-РА Я-ДА МЕ-ДА НО ДА МЕ-ДА НО ДА,

Э, ШУ-Э Я НО Э, ДА Я ЛЭ ДЫМ-БЫР ВЕ-РА

Я - ЛЭ ГИ-НЭ НО ДА.

$\text{♩} = 60$

КЫТЙ, КЫТЙ ЛЫКТЙДЫ

Кы-тй, кы-тй лык-тй-ды; Чуп-чи йы-лысен-авыжы-сен-а га-жа-са-а, га-жа-тж-а-лык-тй-ды

га-жа-са-а лык-тй-ды мо-нэ по-ты-са мо-нэ ад-зэм по-ты-са-а вуи-ды.

$\text{♩} = 64$

ГОТ, ГОТ

ГОТ, ГОТ, ГОТ ГИ-НЭ ШУ-И НО ВЕ-РА-ЛОМ ГИ-НЭ МЕ-ДА У-УК

ЖИН-ГЫР ЖИН-ГЫР ШУ-Э МЕ-ДА-НО Э ШУ-ИСЬ-КОМ ВЕ-РА-ЛОМ ВЕ-РА МЕ-ДА.

$\text{♩} = 56$

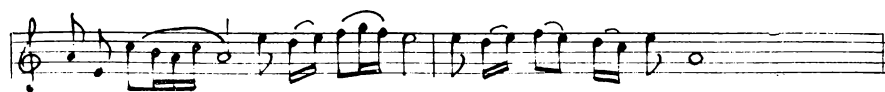
УГ ПОТЫ ВАЛ

УГ по-ты вал, уг по-ты вал, Шу-рысь ву-эз ю-э-ме.

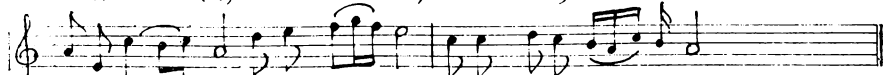
УГ по-ты вал, уг по-ты вал ты-нысь-тыдлю-кись-ке-ме.

♩=56

Отчы ной

От-чы но-³ (й) но уч-ки но, тат-чы но(й) но уч-ки

Уч-кыт-чо-не - е нyo-лэс моры но, чи-гиз ги-налсю - лэ-мы.

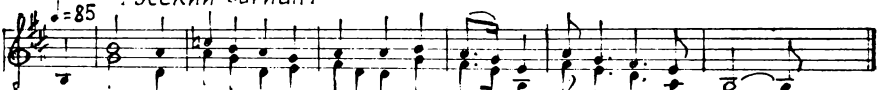
За лесом солнце воссияло

♩=80 Удмуртский вариант

За ле- сом солн-це вос-си-я-ло, лу-на зстре-во-жи-ла на-род.

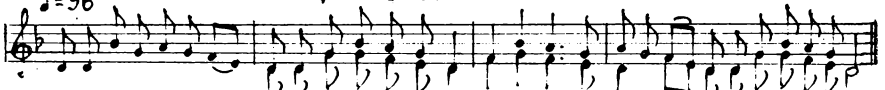
Русский вариант

За ле- сом солн-це вос-си-я-ло, лу-на зстре-во-жи-ла на-род.

Э, корка

♩=96

Э, кор-ка-е, корка-е, туж шулдырной(й) кор-ка-вал Э, кор-ка-е кор-ка-е туж шулдырной(й) кор-ка-вал.

По Дону гуляет

♩=72

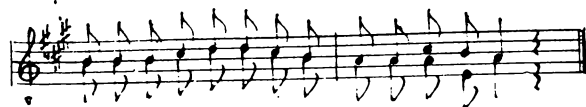
По До-ну гу-ля-ет, по До-ну гу-ля-ет, по До-ну гу-ля-ет ка-зак мо-ло-

дой, ка-зак мо-ло-дой. Из-под кам-ня, из-под кам-ня ре-ка те-чет,

из-да-те-жа, из-да-ле-ка ми-лый мой и-дет. Ю-ка, ю-ка, ю-ка, ю-ка я,

ес-ли по-бишь по-це-лу-ешь, ми-ла-я мо-я.